

СЕТКА РАБИЦА

самблю. Надо, конечно, видеть и слышать группу, в составе которой помимо Ананьева — Вера Дуленко, Светлана Очнева и Алексей Захаров. Но в нашем распоряжении не видеокассета, а всего лишь изображение Гутенберга. Поэтому мы можем представить только текстовую грань того действия, которое зовется «сеткой Рабца».

«Сетка Рабца» — в действительности такая металлическая сетка, которая служит для ограждения чего-либо. Узор ее прост, но изощрен, она похожа на лист Мебиуса. Применительно к музыкальной группе это название метафорично. Простота и изобретательность — можно так определить то, что делает Михаил Ананьев вместе со своими друзьями по ан-

Михаил Ананьев

Когда все кричали, я стоял и молчал,
Наблюдая круги на воде.
Когда раздавали, я упорно не брал,
Я знал о грядущей беде.

Рушились храмы, мелели моря,
Ложились леса под топор.
Прекрасные дамы пудрились зря,
Все равно их трахал весь двор.

ТОГДА ВО ВСЕМ БЫЛ ВИНОВАТ Я

Я не двигался с места, хоть и знал,
что вокруг

Каждый гребет под себя.
Из этого теста и я, милый друг,
Но делаю это любя.

Я притворялся, что больно и мне,
Замечая страдания других,
В душе я смеялся, я стоял в стороне
И сочинял этот стих

ИТАК, ВО ВСЕМ БЫЛ ВИНОВАТ Я

Жар вечного пекла я уж чую теперь,
И скоро увижу все там.
Очков моих стекла похожи на дверь.
Похож ли на что-то я сам.

Когда аплодируют, я ухожу,

Так ли хорош дар Новочеркаска
Судьям игры, разрешенной в стране, —
Новый рассказ, не похожий на сказку,
О существах, приходящих извне?

Читку внесли во вторую декаду,
Значит, в конюшнях появится дым,
Но, от хозяина до конюкрада,
Каждый в тот день станет кем-то другим.

Боже, какая свобода для нищих!
Прапорщик пьет, баронесса торчит,
Дети обходятся вовсе без пищи,
Детям уже ничего не грозит.

Нейрохирурги, певцы и монахи,
Редкий желая использовать шанс,
Все продают до последней рубахи,
Лишь бы попасть на заветный сеанс.

Все изменилось в короткие сроки,
Стрелки иные развернуты вбок,
Тот, кто товар покупал на Востоке,
Нынче товар продает на Восток.

Встань Люцифер, да кнутом заманись-ка,
Надо проверить запасы страны,
Все ли киргизы забыли киргизский,
Все ли богатые стали бедны.

Все ль научились любить Иисуса
Иль кое-кто еще чтит Ильича,
Может быть, их, не имеющих вкуса,
Этим кнутом отстегать сгоряча.

Так ли хорош дар Новочеркаска
Судьям игры, разрешенной в стране, —
Новый рассказ, не похожий на сказку,
О существах, приходящих извне.

* * *

И словно из погреба в сад,
Когда ампутируют, я нахожу
В картине сей форменный ад.

И ВСЕ Ж ВО ВСЕМ БЫЛ ВИНОВАТ Я

Выход простой: найти покрепче шнурок,
В строго назначенный час,
Над головой найти потолще сучок
Или железный каркас.

Тщательно выбрать щетину с лица,
Словно собравшись в полет,
Можно выпить сухого вина,
И вот уж никто не поет

ДРУЗЬЯ, ВО ВСЕМ БЫЛ ВИНОВАТ Я.

Д. РАЧКОВ КАРТИНА

В актовом зале нашей школы повесили большую картину. Это громко: в зале, скорее зальчике, и картина пришлась как нельзя кстати, ибо заняла почти всю боковую стенку, которая вечно мокла под осенними дождями — один мучения. Директору пришлось отвалить кругленькую сумму умельцам местной художественно-промышленной мастерской, он покряхтел, покряхтел, но выложил сразу, вероятно, было указание свыше. Потом я видел копию с этой картины во всех наших школах, в горно то же, где поменьше, где побольше, в зависимости от размеров зала.

Картина эта была тогдашироко известна благодаря «огоньковской» репродукции. Веранда большого рубленого дома, стоящего на крутом донском берегу, раннее утро, вдали стелется молочный туман. За столом, покрытым, — думаете, скатерью? — зеленым сукном! — сидят писатели донского края. Во главе стола Михаил Александрович Шолохов, взглядом задумчиво-меланхолическим и орлиным одновременно, и поймешь чего больше, окидывает он соратников своих, собравшись по перу, птенцов гнезда его, сидящих тут же — Михаила Алексея, Виталия Закруткина, Евгения Поповкина и других,

среди которых затесался Семен Бабаевский, живущий «по Кубани», но он свой, свой «по Ду-ху», то это «по Кубани», как бы не замечается. Такая вот картина.

Как-то веду я урок, вдруг распахивается дверь и влетает девчонка, наша секретарша, в крайнем возбуждении выпаливает: — Владимир Иванович! Срочно! Поднимитесь в актовый зал! Вас ждут!

— А кто ждет?
— Ой, там все: и Сергей Михайлович (это наш директор) и Серафима Петровна (завуч) и из горкома кто-то.

Я уже привык, что начальство, а тут в наличии весь синклит, редко вызывает, чтобы выразить благодарность, — скорее жди какой-нибудь «распеканции».

Поднимаюсь на второй этаж в наш актовый зал. Аудитория пуста, а в самом конце ее под огромной во всю стенку картиной стоят те, кому я срочно понадобился. Тут и директор, и Серафима Петровна, профорг, парторг, комсомольский секретарь. В центре группы что-то говорит горкомовская дама, доносится обрывок фразы: «а что, очень хорошая картина!» С дамой я знаком, пришло дело иметь дело. Она в предпенсионных годах, но необычайно энер-

ИЗ РАССКАЗОВ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА

гична и въедлива, особенно что касается культуры и образования, впрочем это ей и положено по рангу. И отмечаю про себя маленькое, мимолетное сходство этой группы с фотографией Хрущева на выставке в Манеже. Конечно, масштабы иные, тут всего одна картина, но почти-тельная, угодливая серьезность на лицах внимающих та же — один к одному.

— Владимир Иванович, — раздается голос директора, — мы ждем вас, идите сюда.

Подхожу. Интересно все-таки, что им надо.

— Вам нравится эта картина? — обращается ко мне горкомовская дама.

— Вот те на! За этим звали?

— Доходчивая, — отвечаю, не зная, что сказать.

— Мне очень, — продолжает она на некоей лирической ноте, — смотрите, какой вид из окна и воздух, — святая правда, — красота спасет мир, — и подмигивая мне покровительственно: так что ли говорил классик?

— Именно так классик и говорил.

— Но мы собственно позвали вас вот зачем. Стоим перед картиной и отгадываем, кто есть кто. И, представьте, не всех угадали. Помогите нам, пожалуйста.

Ах, шельма-директор, это его идея. Смотрите, мол, какие у нас в школе эрудированные учителя, во вверенной мне школе...

Ну что ж, тут можно малость

повеселиться и отвести душу.

— Этот, — начинаю, — как вы понимаете Михаил Александрович Шолохов. И дальше перечисляю всех, включая Бабаевского, который хоть и с Кубани, но писатель «шолоховской», «донской» школы. Кивают, кивают.

— А вот это кто? — спрашивает горкомовка и показывает карандашиком на какого-то мордастого, с орденом Ленина и значком Героя на лацкане пиджака.

А я и сам не знаю, кто это. — Мы всех отгадали, а его нет. Кто же это, Владимир Иванович?

Я тру виски, делаю вид, что мучительно думаю, вспоминаю. Директор бросает мне тревожные взгляды, не подведи, мол, братец.

И вдруг словно вспыхнула маленькая лампочка.

— А это, — патетически произношу я, — секретарь Ростовского обкома партии.

Некоторое оцепенение. Потом

радостный возглас завучихи: — Ну да, ну конечно! По идеологии... — и теплая улыбка горкомовской даме, та тоже улыбается.

— Ну вот и разгадали, — говорит дама мне, а то, знаете, как будто чего-то не хватало.

И они заговорили о школьных делах.

— Серафима Петровна, — шепчу на ухо завучихе, — можно идти на занятия? Ученики ждут.

И в тот же миг ее радостно возбужденное лицо передергивает гримаса отвращения. Так смотрят на человека, сказавшего что-то ужасное, испортившее лад песни, ни с чем не сообразное.

— Вы что, — змеей шипит она, — соображаете? Какие занятия? А вдруг к вам будут еще вопросы?

Вот собственно и все. Урока жалко, ученики, не дождавшись меня, бегали по коридору. А тема интересная. «Отцы и дети» Тургенева.

ИВАН ИВАНОВИЧ ИВАНСОН

— Можно?
В кабинете директора похоже заседание партбюро.

— Проходите, проходите, по-

сидите здесь, мы заканчиваем. Сажусь на стул у стены, перебираю бумаги, которые надо подписать у директора, поневоле

Академия Зауми

С О ВРЕМЕНИ своего основания Академия Зауми получила немало книг, публикаций, рукописных материалов от поэтов, литературоведов, связанных с авангардом. Палиндромическое приветствие известного хлебниковеда, автора очень важной книги «Велимир Хлебников. Природа творчества» Рудольфа Валентиновича Дуганова, было одно из первых.

Р. В. Дуганов УКОРОКУ

Урус-дервишу души вред — суру
Корана чисел лесича на, Рок.
Рад себе небес дар.
Но не Рок, а корень он —
Аза.

Игорь Лоцилов

Инопланетяне

ТРИПТИХ

Гостиница. Понятно:
Здесь тоже не живут.

Новинки

Только что библиотека института приобрела двухтомник вы-

А. Федулов

Ночь утихала
утекала сквозь щель в заборе
прозябаю во дворе: мне чуть
слышится заря

перств поклоне — се заря
Цезаря — Кесаря
ты ее не буди, назаренин
Чавчавадзе — Грибоедов — дым.

печь алится огонь кудрявится
о Амур

река — пограничье
остров косарей и кос

Ночь утихла
в светских стрелках стрекоз
в замирении общем безличье
заря серая горе личное:

что останется вам? много — дым
о сатане лая ночь утухла
распахнулась заря распухла

размахнулась
с молоком кровь дая
не слышать тишины за стрегулом
стрекоз
не видать ведеты из-за ярости ос
Гул:

о сь низвергнись, О нищий!
вулканом дозря
се заря Косаря:
о плакаль о пицаль о каратель
— карась
будет завтра и днесь все, что
было вчерась

гул:
на лугу остовы косарей и кос
Один Иаковъ О голубый космос

Ночь укрылась
гогулой стеной в соборе:
о боре нам, о боре

Ночь ищезла
сквозь щель, оставленную Могом
засиял раздраенный копытами
выгон
прозу баю во дворце: упершись
рогом

между Мушкой и Архангелом
между Яслями и Рыгой

За околицей окольшем
малиновым заря

полюхнула за скорым собором
бродяг
малиновым беспамятством разя
завенела на цепях рабов роса
малиновыми стопами соря

нет ни цезаря, ни кесаря — царя
за соборами соборища сутяг
А за вольными заборами луга

как бы лопнула струна
но звенит в тумане
жизнь одна и смерть одна
ининно планнне тяннине
приллле
— телллли —

как люблю я физику этого мира
и причинно-следственные связи
и наследственный голос
говорящий

мне
что я — мира сего соленая
уленшпигель

говорила в начале самом моей
жизни
мать отца моего и следовательно

потонули
да Евангелие не Луки — от
Ивана
не потому ли

IV.
Спи, Амур
твой струли отравлены
все мосты сожжены
но письмо не отправлено

пимен мой захворал —
отнялася рука
чтоб любовью пенять

надо жить не века
чтоб такое понять

Слышишь ты, Ромэо — Амур
ты умер — тебя поглотила река
с ресниц камышей
ветер сдунул слезу

уткой грузной
прохлопала дробы наперерез

Ночи нет — хочу на грозу
уходи ухожу

Заря холодна
туман черту перелез и ищез

над горящим зонтом
чья еще благодать

под горящим зонтом
только мать-перемать

да любовь да мечта
все потом все путем

от любви от мечты от винта

моя бабка
мне
что неисследима мира сего
сердцевина
а все то что мы видим и осязаем
как бы по зеленому

расплывшаяся
коричневая пуришкевичь

тщися, о Пекарь, не сякла чтоб
рассола и сала сила — соль
брей саблезубый нож свой об
точильное колесо

Раб —
крабам и рыбам грубым
корм

дающего поэта русского авангарда Александра Введенского. Это первое издание поэта в России одновременно является лучшим в мире. Просите в библиотеке также восьмой номер альманаха «Черновик» и сбор-

ник стихов «5 поэтов «Черновика», в котором принимает участие Сергей Бирюков.

АНОНС

В ближайшее время Тамбов-

ское общество книголюбов выпускает первую книгу выдающегося поэта-палиндромиста Николая Ладыгина (1903—1975). Одновременно это первая палиндромическая книга, выходящая в России. Составил ее Сер-

гей Бирюков, оформил известный тамбовский художник Алексей Медведев. Книжка выходит в миниатюрном исполнении и по оценкам специалистов станет сенсацией года.

ТВОРОГОВСКОГО, УЧИТЕЛЯ СЛОВЕСНОСТИ, НЫНЕ ПЕНСИОНЕРА

прислушиваюсь к разговору. Вопрос обсуждается важный: кандидатура секретаря партбюро. Его, конечно, как и положено «по демократии», будут выдвигать и избирать на собрании, но дело серьезное, надо «подготовить», «согласовать», мало ли кого предложит собрание, «анархии» тут не место. Вроде и нельзя так — сначала в кабинете, но этого никто не замечает, так бывало всегда, дело обычное, чуть не семейное, можно даже и при мне, беспартийном.

— Коваленко?

За Коваленко заступается завуч. В аспирантуру, мол, поступил, пусть работает, молодым везде у нас дорога, но суть дела в другом и все это знают: Коваленко ее родственник, а партгором какую диссертацию напишешь? Коваленко отводят. И выясняется, что ситуация непростая: один с семьей мал-мала меньше без квартиры мается, а работает как вол, за эту самую квартиру, неудобно еще нагружать, физик, тот вообще к пенсии приближается, попробуй поручи, Петров попивает в городе, правда, втихаря, но в колхозе, куда школьников возил, будто бы и в темную; Директор морщится, когда называют эту фамилию. Никого и не осталось, реальных-то.

— Может быть, Иван Иванович Ивансон? — предлагает кто-то. И почему-то очень тихо, почти шепотом.

Небольшое замешательство.

Молчанье. Директор на миг сбивается с ритма, потом быстро, скороговоркой, не поднимая глаз от лежащих на столе бумаг, бросает: — Ну это... понятно.

Я вздыхаю и на время отключаюсь, погружаюсь в раздумье. — ...зато у него, — доносит-ся до меня наконец, — активная жизненная позиция.

Это о том, который попивает, и впрямь, на собраниях он выступает всегда и всегда первым. Его и утвердили, выпивоху.

Все ушли, и мы с директором остались вдвоем в кабинете.

— А что, Сергей Михайлович, — ерничаю я, — может быть, «Иван Иванович» все-таки перевесит?

— Что перевесит?

— Да то, что «Ивансон».

Он быстро, остро оглядывает меня, тут же гася усмешку, видимо, прикидывая, что можно и нужно сказать в данном случае.

— Да не в этом дело, — горячо убеждает он меня, — он нам по деловым качествам не подходит, понимаете? Тут нужен человек активный, разворотливый, а этот какой-то тихоня.

Врет и ведь знает, что врет. Ивансон, конечно, на собраниях в основном помалкивает, но все делает основательно и скрупулезно, может, потому что математик?

— Ну тогда... понятно, — говорю я, чуть пародийно выделывая это слово.

Мы долго смотрим друг на друга. Интересно, о чем он думает?

— А что, — как бы отключаясь на свои мысли, медленно произносит он, вот вы, молодой человек, никогда не задумывались над таким, например, вопросом... Все они какие-то непонятные. У нас все как на ладони, а они непонятные... Разве не так?

— Это есть, — продолжая я веселиться, — возьмите Карла Маркса. Сколько ни читаю его, тяжело пишет, непонятно...

— А что Карл Маркс, — немного напрягается он, — причем тут Карл Маркс?

Забыл! Забыл! «Марксизм» вытеснил Карла Маркса!

— Да ведь и он тоже...

— Ах, вон вы про что... — и долго-долго сверлит меня взглядом, будто видит впервые.

— Странно как-то вы мыслите. Вы что и на занятиях об этом говорите? — И после паузы, — не советую... Вот уж от вас не ожидал.

— Да чего не ожидали?

— Интересна к этой проблеме. И откуда это у вас... Вы ведь моршанский?

— Моршанский.

— И я моршанский.

Мы замолчали. И все-таки это чувство веселья, что ли, меня не отпускало и все хотелось заронить хоть искорку сомнения в его номенклатурные мозги, ведь хороший мужик, добрый. Навяная надежда!

— Хотите расскажу интерес-

ную историю? Вы ведь воевали?

— Воевал. Под Можайском первое ранение.

— Под Можайском? Под Можайском у меня погиб отец. В самом начале войны. Ну, раз воевали, стало быть, лучше меня знаете, что такое завоеватель.

В Москве, в МГУ есть такой профессор, доктор филологии Сергей Михайлович Бонди, кстати, ваш тезка по имени и отчеству. Среди пушкинистов — высший авторитет. Я, учась в другом вузе, ездил специально слушать его лекции, страшно интересно. По натуре он человек мягкий, увлекательный, немного не от мира сего. С ним такая приключилась история. В 49-м его дочь поступает в биологическую аспирантуру того же МГУ, сдает все на «отлично», а в списке зачисленных ее нет. Пошел Сергей Михайлович к тогдашнему начальнику ГВУЗа Орлову и напрямую ему выкладывает: может быть, вас фамилия моя смущает? Может, вы думаете я еврей? Совсем нет. Мой предок француз де Бонди, пришел в Россию с Наполеоном, остался здесь, обрусел и фамилия слегка изменилась — Бонди.

Орлов тут же вскочил из-за стола, распахнул объятия: Сергей Михайлович, дорогой, что ж вы раньше нам не сказали! И схватил трубку — это мы сейчас, сейчас...
Через два дня дочь Сергея

Михайловича была зачислена. Представляете, потому что француз-завоевателя, пожалуйста, а в этом случае — ни-ни. Как вам нравится эта история?

Уже где-то в середине рассказа я увидел, что вроде и не слушает он меня или слушает вполуха, думая о другом. И что это я соловьем разливаюсь?

— А она мне никак не нравится, ваша история, — медленно, тяжело выговаривает он, — еще повторю — интерес к этой проблеме не нравится. И острийте поменьше, смешного здесь ничего нет. — Он покопился на часы. — Засиделся с вами, пора в горком. Вы обдумайте на досуге совет бывшего человека: придерживайте язык. Будьте здоровы.

— До свидания.

Ах, нет, нет. Если бы так. Вы, может быть, заметили, что весь этот разговор помещен в скобочки? Да, да, диалог этот «внутренний», придуманный мною, пока обсуждалась кандидатура Ивана Ивановича Ивансона.

Сиди в норке и не высывайся, а высунешься, не себя прежде жалко — учеников, уберут же, не хвалюсь ничуть, но любят они меня, знаете ли... Гнусное время! «Молчи, скрывайся и тай...»

СЕРГЕЙ БИРЮКОВ

РИТОРИЧЕСКИЕ СТИХИ

ОТ АВТОРА

Риторика в русских стихах — дело обыкновенное. В 70-е—80-е годы обстоятельства времени и места диктовали особого рода риторику. Я записывал этот диктант на полях совсем других стихов. Иногда записываю и сейчас.

Летучая мысль — не птица, но и не мышь. Это летучая мышь. Кит — не рыба, но и не зверь. Хотя промысловики называют его зверем, все-таки это кит. В литературе бывают такие промежуточные виды, которые не вписываются в разряды зверей и птиц.

Вадим

Степанов

Прутковизмы

Если жена ласкова с вами, значит у нее есть любовник.

Многое из существующего еще не названо.

Настоящее — это хорошо забытое прошлое.

Ценно только то, что потеряно. Всем хорошим мы обязаны сумасшедшим!

Мысль «Мысль, изреченная есть ложь» — есть ложь.

Что посеешь, то и пожнут.

Закон бездействует, если его не нарушают.

Знай: несчастная любовь вредна для зубов!

В искусстве реки вытекают из океана.

Жить разумно мешает нехватка разума.

Глупый народ — непобедим!

Самый лучший любовник женщины — это ее воображение.

Человек — это электронный микроскоп, которым забивают гвозди.

Чтобы взлететь, надо оттолкнуться.

Болезнь как и огонь, прежде чем погаснуть, вспыхивает.

То, что мы не способны познать, и есть суть.

Есть слова, которые невозможно выразить чувствами.

Прошлое провинциально по отношению к настоящему.

Вылечись от самого себя! Мозг играет «двумя руками».

Когда говоришь правду, врать нельзя.

За колумбами идут корсары и кирасиры.

ФИЗИОНОМИЯ ЗЛА

Мне тоже память не отшибло, я знаю — сколько люду гибло и сгнуло по всей земле. На прахе всходим, на золе. Я знаю зла и вкус, и запах, — оно за сотни верст смердит. Я знаю зла, и вкус, и запах, — И глазом кровавым косит. Оно гармонией радится, на хаос грудью восстает. И тайно в зеркальце глядится, хвост из-под фалды достает.

* * *

Если стопудовую гирику приторочить к ноге, то правильно ли грамматически: «Он идет належке?»

УТОПИЯ №

Дайте дорогу Бездарности — впереди пропасть. Пропустите-пустите-пустите! Дорогу! Дорогу! Отведите детей в сторону. Не пугайте этим кошмаром: Бездарность на белом коне въезжает ТОРЖЕСТВЕННО в пропасть, увлекая в экстазе свиту, в которой главное место занимают Догматики и Демагоги.

Отзвук конференции. Авангард в фотодокументах.

Е. Лебедева

Прелестная белая бабочка-моль влетает в раскрытые форточки-души. В проветренных душах ей скучно самой. И даже прохладней, чем было снаружи.

Выключили закат был неуместно ярко. Вынесенный за кадр, чашнет луны огарок. Небо глотает дым тлеющих декораций. Памятником своим бредит чужак Гораций. Звякнут куранты: трень! — с полуразбитой башни. Тихо скончался день, став навсегда вчерашним.

ЮБИЛЕЙ ПОЭТА

22 октября белорусскому поэту Юрию Лучине исполнилось 60 лет. Вряд ли на его независимой теперь родине кто-нибудь вспомнит о стихотворце, фамилия которого совпадает с псевдонимом еще одного слушателя муз — Ивана Неслуховского (Янки Лучины, 1851—1897), кстати дальнего родственника Юрия Степановича.

Почти уверен, что и в Рязани, где с давних лет живет Юрий Степанович Лучина, его как поэта не помянут. Поминают обычно тех, кто работает поэтом, а Юрий Степанович поэтом не работает, он поэт души, поэт судьбы, поэт мысли. Я не видел еще одного такого человека, который мыслит, говорит и пишет так поэтически.

Мы учились с Юрием в рязанской школе № 1 имени Крупской. Там (намного раньше нас) учился великий Иван Петрович Павлов, потом — поэт Константин Симонов. Отбыв положенное число лет в ГУЛАГе, в нашей школе работал учителем-физиком А. И. Солженицын.

Окончив школу, Юрий Степанович учился в пединституте, где успешно выучил английский и немецкий, потом, работая в каком-то «ящике», усвоил итальянский и пару славянских языков. Такова его чисто людская судьба. А поэтом он был с детских лет, никогда, впрочем, не печатая своих стихов. Я чудом заполучил от него одно стихотворение, которое предлагаю читателям «Пигмалиона». Юрия Степановича я поздравляю с юбилеем и слегка грущу, что таким молодым ребятам, как он и я, уже по 60 лет.

В. РУДЕЛЕВ.

ЮРИЙ ЛУЧИНА

Расстрелянное там, в заоблачном застенке, сползло солнце по небесной стенке. Кровавая кровля кровью человека, Заря вставала недобитым эском. Дымилась жерла Дягилевской ТЭЦ — Дню, словно жизни; наступал (конец. Устало, хмуро шли над головою Бессонных туч свинцовые конвой. Мои глаза, весны далекой просинь, Прощенья твоего прощально просят. И гладит колокольни благовонье Мой тихий город теплою ладонью... 1993

ИРОНИЧЕСКАЯ ПРОЗА

С. КАМЕНЕЦКИЙ

«Корову я свою приварила, теперь хорошо», — не глядя опрокидывала в бидоны наливную кружку молочница. Голова ее была повернута затылком к очереди и лицом к женщине, видимо, соседке. Асфальт был мокрый, очередь познабливало, но большая желтая собака лежала у цистерны, как у печки, и две женщины говорили, как ели: смачно и досыта...

Он шел, далеко отбрасывая назад ноги, почти иноходью. Весь груз его забот был в ногах. Летом он плывал в море среди реальных миражей морского дна и чувствовал себя властелином, деспотом, сатрапом всех этих звезд, медуз... Он ждал лета, как медведь зиму. Зарыться, засунуть лапу в пасты, нырнуть — и нет больше ежеутренних маек

и брюк, бидонов с молоком, журналов с отметками, учеников с родителями.

Никто не видел — как он был хорош под водой!

Осенью из властелина и сатрапа он опять превращался в учителя музыки Константина Егоровича.

«Каньстенькин, слышь?! — до-нимал его дед, — на девок-то полочки хватает?»

Константин Егорович (в очередные наезды домой — Каньстенькин) умывался из кружки и молчал. Он стоял в ширпотребовских трусах со всевозможными надписями: «секунды, метры, эмоции», «по всем статьям чемпион», и вспоминал город, из которого мечтал вырваться к лету. Вспоминал троллейбус ежедневный, как сон, и надпись

на баранке водителя: «Люби, как жену, гоняй, как тещу».

Ни того, ни другого у Константина Егоровича не было, но в душе он был вполне готов и любить жену, и гонять тещу.

В этом году он приобрел светлый пиджак в крупную клетку и синюю шерстяную рубашку. Константин Егорович надеялся на что-то. Последние три года он жил в черном свитере и коричневых брюках в клетку. Этот вариант себя не оправдал.

...Стоял в маленьком классе музыкальной школы Константин Егорович завалил журналами «Советский экран» и «Искусство кино». Ученики, которые приходили на занятия, мешали ему читать и писать сценарий. Сценарий он писал по всем правилам, на разграфленных листах бумаги,

с удовольствием выводил: «Подул ветерок. Зашелестела трава, Кадр пятый. Наплыв». Учеников Константин Егорович считал бездарями, тупицами, громко считал вслух и стучал ногами. Сам он играть почти разучился. Три раза уже ездил поступать то на режиссерское, то на сценарное отделение. И всегда возвращался с чувством, что подвела какая-то формальность. А из-за нее человечество лишилось возможности посмотреть его талантливые фильмы.

Никто в школе не знал как он талантлив в искусстве кино! Все должен был решить случайно, считал Константин Егорович. Он уже ездил со своим сценарием к Эмилю Лотяну, но не застал его дома. Надежду однако не потерял и продолжал писать сценарий и ждать лета, в котором все осуществимо.

И Её он должен когда-нибудь встретить случайно, ну вот, хотя бы сейчас, идя с бидоном молока. Хожdenие за молоком было единственной домашней нагрузкой Константина Егоровича, и он от нее не отказывался — у цистерны можно изучать жизнь. Мимо него и рядом шли люди, с которыми, что-то случилось, которые гоняли тещ и травили получку на «девоки», которые, если плыли, то всем было видно, как ахово они это делают, которые всегда заставляли дома кого им надо.

Константин Егорович шел, проливая молоко, и все в доме, кто хотел это знать, знали, что жизнь Константина Егоровича не сложилась.

Константин Егорович шел, проливая молоко, и все в доме, кто хотел это знать, знали, что жизнь Константина Егоровича не сложилась.